

В едином строю

Самый боевой поэт революции хотел, чтоб в штыку правили перо, он говорил, что «я писатель, а стих — это бомба и знамя». Его собственное творчество, как и творчество многих советских писателей, — именно такое неколебимое оружие. Советский читатель давно уже привык к такому постоянному идейному вооружению нашей литературы, глубокому по содержанию, боевому по своей целеустремленности военно-художественную литературу, выдержавшую суровый отбор времени. И не только советскому читателю помогает это оружие.

«В вятских джунглях сражались и Александр Матросов и Лиза Чайкина. Вышли там и свой Сидор Ковпак и свой Василий Теркин — неунывающий, храбрый, бравый парень, пришедший в отряд с чайных плантаций, названный Теркиным за несгибаемое свое остроумие, которое поднимало дух солдат даже тогда, когда они по небольшому суетились в болотах, в засадах... Образы советских воинов и партизан, запечатленные нашей литературой, бессмертные подвиги могучей Советской Армии, вдохновенной идеей коммунизма, доходя до сердец вятских патриотов. Лучших из них, самых боевых, самых отважных товарищей называли именами героев подвигавшихся им советских книг».

Об этом на Всесоюзном совещании по вопросам развития военно-художественной литературы рассказал Борис Полевой. Но подобные эпизоды можно было бы привести и из опыта войны в Корее и в других странах, народы которых поднялись, чтобы отстоять независимость своей родины.

Советские писатели отражают в своих произведениях творческий, созидательный труд народа, его богатую, полную огромного содержания жизнь. Наш читатель с радостью встречает книги о рабочем классе, о передовых людях колхозов, о борьбе сил нового против отсталого и косного во всех областях жизни. И естественно, что рядом с образом советского рабочего, инженера, педагога, колхозника стоит и образ советского воина, стоящего на страже мирного труда.

Рожденная в битвах за свободу, выстоявшая народом-воином, наша литература, как и породивший ее народ, борется за мир. Боевая доблесть героя, сражающегося за свободу и независимость Отчизны, за мир и счастье во всем мире, за священную дружбу народов, советская литература никогда не призывает к агрессии, к захвату чужих земель или угнетению людей другой национальности.

Утверждая нашу готовность к отпору любому агрессору, советская военно-художественная литература отнюдь не пропагандирует захватнических войн и не имеет целью воспитать в читателе стремление к войне, как таковой. Она воспитывает ненависть не к другим народам, а лишь к врагам всех народов на земле, империалистическим поджигателям войны.

Наш народ и наша литература сочетают миролюбие с непреклонной готовностью к отпору всем и всяческим захватчикам.

Лучшие произведения нашей литературы о Советской Армии получили заслуженное признание народа; велико их воспитательное значение для подрастающего поколения.

Но стоит только представить себе во всем объеме всемирно-историческое значение великого подвига советского народа в дни Великой Отечественной войны, вспомнить, каких беззаветных героев, каких богатейшей душой вырастила наша Коммунистическая партия, и видишь, что литература еще в большом долгу перед Советскими Вооруженными Силами, в большом долгу перед всеми советскими читателями. «Мало книг о нашей Советской Армии — верном страже мирного труда советских людей», — говорится в приветствии ЦК КПСС Второму съезду писателей.

А ведь тема Отечественной войны — животворный источник, из которого черпали и еще долго будут черпать вдохновение работники всех родов искусств. Произведе-

ния, посвященные подвигам советского народа во всех областях жизни, в героическом созидании и в деле обороны Отчизны, сегодня помогают воспитывать молодежь в духе бесстрашия, доблести, веры в победу нашего правого дела, победу над любым врагом. Наша литература призвана создавать яркие, полноценные образы героев.

У нас есть богатейшая литература, созданная по живым следам войны, наполненная горячим дыханием сражений и побед. Но этого недостаточно. Читатель ждет широких эпических полотен, советской «Войны и мира», «Тихого Дона» по родине Отечественной войны. Ратный труд, боевая учеба наших воинов должны быть показаны, как великий творческий труд современного советского человека, овладевшего вершинами новой гуманистической культуры, оснащенного средствами современной военной науки.

Наша армия сегодня слыла не только своим боевым духом, сознанием непобедимости нашего дела, — она еще и снабжена новейшим оружием, она воспитала воинов, которые в совершенстве овладели им. Почему же так слабо отражена сегодняшняя жизнь воинов в произведениях писателей?

Опыт сражений минувшей войны показал всему миру: битву решает не просто техника, а человек, солдат, специалист военного дела. Исход войны решает, в конечном счете, морально-политическое состояние народа, его армии.

Обо всем этом справедливо говорили писатели и представители Советской Армии на Всесоюзном совещании по вопросам развития военно-художественной литературы. Выступавшие отмечали, что мало еще полноценных произведений о послевоенной жизни Советской Армии, почти полное отсутствие пьес и киносценариев об армии и флоте. Деловой критике подвергались те произведения, в которых встречались отступления от исторической правды, например, неадекватное отражение трагической судьбы первых военных лет, недооценка сил врага.

Эти недостатки в значительной мере обусловлены невниманием к теме армии в Союзе писателей, где даже комиссия по военно-художественной литературе была одно время ликвидирована. Ряд органов печати по непонятным причинам избегал произведений о нашей армии.

Редакция журнала «Знание», некогда группировавшая вокруг себя кадры писателей, посвятивших свое творчество жизни нашей армии, плохо работала с ними в последние годы.

Забвение и недооценка военно-художественной литературы сказываются и в том, что критика мало и, как правило, лишь кампанийски вспоминают о военной теме.

На совещании особенно наглядным стало, что, хотя отряд литераторов, работающих на военной теме, и велик, но с ним плохо работают. Собралось свыше трехсот писателей из Москвы и Ленинграда, из многих республик и областей, литераторов, подчас воевавших бок о бок на одном фронте; ныне же товарищи указывают, что литераторам, пишущим на темы армии, в республиках и областях помогают мало и плохо.

Нашим писателям в долгу перед народом, перед подрастающим поколением, которое нужно воспитывать на славных традициях отцов и братьев, победивших в Великой Отечественной войне, на традициях всей великой и славной деятельности советского народа, повседневной самоотверженной деятельности, возмужающей нашу Отчизну.

В основу всей работы литераторов должно быть положено приветствие ЦК КПСС Второму съезду писателей. В приветствии сказано:

«Важной и почетной задачей литературы является воспитание молодежи, молодых рабочих, колхозников, интеллигентов, воинов Советской Армии в духе любви к труду, доблести, бесстрашия, уверенности в победе нашего дела, в духе беззаветной преданности социалистической Родине и постоянной готовности дать сокрушительный отпор империалистическим агрессорам, если они попытаются нарушить мирный труд наших народов».

Писатели, создатели армянского литературного языка Хачатура Абовяна. Юбилей будет отмечен в октябре.

К. ФАЙЗУЛИН
ТАШКЕНТ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (3412)

Вторник, 7 июня 1955 г.

Цена 40 коп.

Письма советских читателей

Зимой Библиотека Косогорского металлургического завода имени Дзержинского (Тулуская область) получила письмо и послышку. В послышке были две немецкие книги, а письмо гласило, что его автор — немецкая писательница Лизелотте Вельскопф-Генрих решила откликнуться на обращение косогорских металлургов к писателям, напечатанное в «Литературной газете» перед Вторым съездом советских писателей.

«Прежде всего я хотела бы сказать, какое сильное впечатление произвело на меня ваше письмо», — писала она. — Вы говорите в нем: хорошая книга нужна нам, как хлеб, как воздух. Может ли быть для писателя за-

дача более ответственная и радостная, чем давать людям то, что им необходимо для жизни?

Л. Вельскопф-Генрих прислала косогорцам в подарок свою книгу для детей «Приключения трех капел» и, откликнувшись на слова читателей об интересе к приключенческой литературе, свой роман из жизни индейских племен в Северной Америке.

Мы публикуем ответ косогорцев немецкой писательнице Лизелотте Вельскопф-Генрих.

Ниже публикуется также письмо Говарду Фасту, присланное колхозным читателем в «Литературную газету».

ОТВЕТ НЕМЕЦКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕ

Дорогой друг!

Прежде всего мы горячо благодарим вас и за ваше дружеское письмо и за книгу «Сыбыла Большая медведица» и «Приключения трех капел», присланные в подарок нашей библиотеке. Нам восторженно и обрадовало ваше письмо, и мы широко ознакомили с ним заводской коллектив. Мы видим в этом письме одно из проявлений крепнущей дружбы наших народов.

Нас радует, что для своего увлекательного романа приключений вы избрали большую тему борьбы индейских племен против колонизаторов, что в вашей книге утверждаются идеи интернационализма. Мы знаем, как важна такая книга вообще, а для немецкой молодежи — в частности и в особенности. Ведь в Европе приключенческие романы из жизни индейцев в течение многих десятилетий зачастую использовались для реакционной пропаганды о «превосходстве белой расы».

Надеемся, что сможем высказать вам более подробно свое мнение о книге, когда она будет переведена на русский язык.

Мы думаем, что нашим издательствам, печатающим книги для детей и юношества, следовало бы заинтересоваться этой книгой.

Ваше письмо вызвало у нас желание написать не только о вашей книге, но и рассказать о том, какой огромной популярностью пользуется в нашей стране мировая классическая и современная зарубежная литература. Это, конечно, относится и к литературе немецкого народа. Имена Гете, Шиллера, Гейне становятся известными нашим детям со школьной скамьи. Произведения современных немецких писателей Бределя, Зегер, Вольфа и других пользуются у нас большим спросом. Об этом можно судить и по нашей библиотеке.

Между прочим, и наша библиотека и здание клуба, в котором она находится и в котором мы собрались, чтобы обсудить наш коллективный ответ на ваше письмо, были во время войны разрушены гитлеровскими фашистами. Мы выжили захватчиков и на пределах нашей области и из пределов нашей страны. Советская Ар-

мия, в которой многие из нас сражались, освободила от фашистов Европу. Мы пустились в ход наш завод, восстановили наш клуб. Мы — книга за книжкой — снова собрали нашу библиотеку, потому что не могли жить без нее. Ведь читательский стаж многих из наших рабочих не меньше стажа работы на заводе — двадцать—двадцать пять лет!

Но разоренная библиотека и разрушенный клуб — лишь малая часть тех лишений и потерь, которые всем нам вместе и каждому в отдельности принесла война.

Именно поэтому неудивительно, что во всех выступлениях товарищей, принимавших участие в этом обсуждении, снова и снова возникала тема нашей совместной борьбы за мир, борьбы против угрозы новой войны, а значит, и тема борьбы за новую демократическую Германию, против возрождения германского милитаризма.

Мы понимаем, какую огромную роль играют в этой борьбе демократические силы Германии. Именно поэтому мы хотим как можно больше знать о жизни ГДР, о прогрессивных силах этой Германии, знать не только из газет, но и из художественных произведений.

Некоторым из нас довелось служить в советских войсках на территории Германии. Мы видели, каким огромным счастьем для народа была земельная реформа, видели, как на народных предприятиях закладывались основы нового, социалистического отношения к труду. У многих являлись в жизни Германии мы могли прочитать в произведениях немецких писателей, которые издали нашими издательствами и имеются в нашей библиотеке. Но этого еще мало. Нам нужно знать больше друг о друге. Художественная литература может особенно способствовать этому.

Немецкие писатели, как сообщила наша печать, готовятся сейчас к своему съезду. В пожеланиях немецких читателей мы хотели бы проследить и наши пожелания.

Нам хотелось бы прочитать книги об участниках подпольного сопротивления фашизму, хотелось бы увидеть образ немецкого коммуниста — борца против фашизма.

Нас интересует драматическая история перестройки бывшего солдата, того, кто

воевал на советской земле, а потом осознал преступность гитлеровской войны и сейчас участвует в строительстве Германской Демократической Республики как друг Советского Союза и всех миролюбивых народов мира.

Мы хотели бы прочитать историю нашего современника, гражданина ГДР, строящего новую, демократическую Германию.

Нашу молодежь особенно интересуют книги о жизни немецкой молодежи.

Впрочем, все эти пожелания адресованы не только к вам и в вашем лице к немецким писателям, они адресованы и к нашим издательствам, которые выпускают переводы с немецкого языка немало, но куда меньше, чем хотелось бы нам, читателям.

Мы привыкли к тому, что советские читатели обмениваются с советскими писателями своими мыслями по различным вопросам о развитии литературы. Этого обмена мнениями способствуют и читательские конференции, которые повсеместно проводятся в нашей стране, и письма читателей в редакции газет, их обращения к писателям.

Но то обстоятельство, что письмо советских читателей привлекло, как вы пишете, внимание писателя ГДР, — это явление новое. Оно, как кажется нам, — яркое и красноречивое свидетельство крепнущих дружеских культурных связей лагеря мира и демократии. Мы надеемся, что наша переписка будет способствовать их укреплению.

Расскажите нам о своих творческих планах и о творческих планах своих товарищей по профессии. Из вашего письма мы знаем, что вы преподаете в Берлинском университете, — расскажите нам о студенчестве ГДР.

Желаем вам успехов в работе и творчестве. Рабочие, инженеры и служащие металлургического завода имени Дзержинского — читатели библиотеки клуба имени Ленина.

С. Алексеев, В. Бобков, М. Власова, Г. Грачев, С. Денищев, М. Ескин, Г. Ефимова, А. Житков, Б. Калинин, В. Косулкин, В. Миронов, Т. Пашнина, В. Печников, Р. Ухиян
Косая Гора, Тульской области

САД ДОЛЖЕН ЦВЕСТИ!

Дорогой товарищ Говард Фаст!

Я, простой советский человек, обращаюсь к вам со словами дружеского приветия. Я работаю в колхозном хозяйстве; так же, как и многие миллионы в нашей стране. Приветствую вас как общественного деятеля, писателя и борца за мир.

Ваша книга, рассказывающая о жизни американского народа, и ваша общественная деятельность, служащая делу мира, наполнили меня глубокой симпатией к вам.

Мы, советские люди, рады поддержать стремление к миру каждого народа, каждого человека. Нам нужен мир, чтобы строить. Я не хочу, чтобы в колхозном саду, в котором я сейчас работаю, стояли обуглившиеся деревья и лежала выжженная земля. Сад должен цвести! Наш мирный труд не должен нарушить взрывы бомб. Весной, когда еще только набухают почки на фруктовых деревьях нашего сада, у садоводов бывает много работы — надо

современно уничтожить вредителей. Если этого не сделать в несколько дней, будет уже поздно — они расползутся по всему дереву, и от него уже трудно ожить урожаю. Все те, кто хочет мира и кто ответствен за мир на земле, должны вовремя обезвредить безудержных грозидчиков войны!

Недавно я перечитал вашу замечательную книгу «Никсидал, США» и снова понял, как трудно отстаивать дело мира в стране, правящие круги которой не жалуют денег на строительство военных баз и производство атомных и водородных бомб. Великий русский революционер Александр Николаевич Радищев говорил о работе в таких, примерно, условиях, как выше:

«Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ни самой смерти... Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою... осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков».

Почему грозят нам американские империалисты? Они боятся, что наш народ нападет на их страну? Нет, этого никогда не будет. Они стремятся к мировому господству. Но народы не допустят этого. Их придет к ответу и сам американский народ. Мы верим в его разум и силу.

Дорогой товарищ Фаст! Пусть мое письмо, одобренное всеми членами нашего колхоза, станет для вас поддержкой в трудную минуту, пусть оно еще раз уверит вас в том, что советский народ готов всеми силами защищать священное дело мира, за которое борется наш народ, боретесь вы и ваши друзья.

Желаю вам здоровья и новых успехов в работе писателя и общественной деятельности.

С приветом
В. КВАСНИЧКО

Село Машкино
Калужская область

ВЫСТАВКА ОТКРЫТА

Пятого июня на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке состоялся митинг, посвященный возобновлению ее работы. К этому дню в Москву уже приехало с мест свыше пятнадцати тысяч участников выставки и передовиков сельского хозяйства.

К 12 часам дня все гости собрались на просторной и по-праздничному нарядной Площади колхозов.

Митинг открыл краткой вступительной речью председатель Главвыставкакома И. Бендиктов. Слово предоставляется директору выставки академику Н. Цицину.

В этом году выставка стала значительно богаче по своему внутреннему содержанию, — говорит он. — Выставка широко показывает, как советский народ осуществляет величайшую программу крутого подъема сельского хозяйства. Число ее участников в 1955 году превысило 200 тысяч.

В час дня все входы выставки открылись для москвичей.

На снимке: на митинге, посвященном открытию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Закрытие декады башкирской литературы и искусства

Вчера концертом в Большом театре Союза ССР закрылась декада башкирской литературы и искусства в Москве.

Накануне в Московской консерватории состоялся заключительный литературный вечер, который открыл А. Сурков. На вечере выступил секретарь башкирского обкома КПСС С. Сайрапов. Со сцены звучали стихи С. Кудаша, Х. Карима, К. Даяна, М. Карима и других на башкирском и русском языках.

Вчера на президиуме правления Союза писателей СССР были подведены итоги литературной недели-декады.

Чувства участников декады выразил в беседе с нашим корреспондентом руководитель писательской организации Башкирии Мустай Карим.

— Тепло встретила нас столица, — сказал он. — Внимательно и заботливо отнеслись к нашему творчеству русские писатели. Их товарищеская критика укрепила в нас уверенность в собственных силах. А когда чувствуешь силу, легче бороться и со своими слабостями. Мы благодарны нашим верным друзьям — читателям, с которыми у нас завязалась большая, крепкая дружба. Все это вызывает в нас горячее желание работать лучше, вдохновеннее.

Заседание Пушкинской комиссии

Вчера в Центральном доме литераторов под председательством И. Новикова состоялось традиционное заседание Пушкинской комиссии Союза писателей СССР, посвященное 156-й годовщине со дня рождения великого поэта.

С. Бонди, отметив в своем докладе, что в этом году исполняется 130 лет со времени написания «Бориса Годунова», подчеркивает чисто политический характер замысла трагедии, определяющий и ее сюжет, и ее композицию, и все художественные особенности. С этой точки зрения докладчик анализирует своеобразное построение трагедии и указывает на драматическую напряженность диалогов.

Затем было заслушано сообщение А. Звенигородского — «Из комментариев к поэме «Домик в Коломне». Со своим новым исследованием рассказывает собравшимся И. Фейнберг. Продолжая изучение работ Пушкина, посвященных русской истории, докладчик устанавливает, что замыслы поэта не ограничивались созданием «Истории Петра» и «Истории Пугачева». Пушкин думал о книге, которая охватила бы весь период от Петра I до Александра I.

В заключение П. Антокольский прочел свои новые стихи о Пушкине.

В Москву прибыла группа журналистов Индии

Вчера в Москву по приглашению Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС) прибыла группа журналистов Республики Индия. В составе делегации — редактор газеты «Нышя геральда» в Лакнау М. Чалпант Рау (руководитель делегации), редактор газеты «Хиндустан Таймс» Г. Венкатасвами Крупанди, редактор газеты «Стейтсмен» П. Нараян Бхатия, сотрудник газеты «Хинду» Каламбакам Рангасвами, редактор и владелец еженедельника «Бхитти» Р. Кумареджи Каранджи, сотрудник газеты «Фри Пресс Джорнал» С. Свами Натан. Генеральный директор Агентства Юнайтед Пресс оф Индия Г. Мохан Деб, директор делового отдела Агентства Пресс Траст оф Индия К. Сешагери Рамачандран, издатель литературного журнала «Милад» М. Джаверчанд Механи, сотрудник газет «Хиндустан стандарт» и «Анада базар патрика» С. Нараян Гхош, сотрудник газеты «Таймс оф Индия» Г. Кесаваран Редди.

На Внуковском аэродроме индийских журналистов встречали представители советской прессы.

Во время пребывания в Советском Союзе индийские журналисты посетят ряд городов и союзных республик, где ознакомятся с работой промышленных предприятий, культурно-просветительных учреждений, колхозов и совхозов, побывают в редакциях газет и журналов.

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВОСХВАЛЕНИЯ И ДЕЛОВАЯ КРИТИКА

Изменится атмосфера в узбекской писательской организации после Второго всесоюзного съезда. Изменения эти чувствуются в писательских спорах и раздумьях, в отношении писателей к делам своего союза. Повысилась требовательность, чувство ответственности — и за каждую новую книгу и за состояние всего литературного «хозяйства».

Но подлинному подъему работы писательской организации еще многое мешает.

Показательно состоявшееся недавно заседание секции прозы. Обсуждался новый вариант романа Ибрагима Рахима «Настоящая любовь». В начале обсуждения, как говорится, «для затравки», был зачитан отзыв официального рецензента — критика, кандидата филологических наук Хамиды Якубова.

«Восхваления Х. Якубова и Т. Сабировова вызвали со стороны собравшихся законное недоумение и возмущение. Иначе прозвучали выступления писателя Рахмата Файзи и переводчицы Н. Исаишвили, давших автору ряд ценных советов».

Этим и был исчерпан список желавших выступить. Оказывается, многие писате-

ли пришли на обсуждение, не подготовившись к роману. Обсуждение нового произведения срывалось. Выручил председатель правления Союза писателей Узбекистана Абдулла Нахвар. В своем большом выступлении он подробно, в деталях проанализировал каждый образ, язык, сюжет, композицию, указав автору на слабые стороны его произведения. Это был честный профессиональный разговор, содержащий интересные мысли не только о романе, но вообще о литературном творчестве. Поучительным был этот разговор для многих. А. Нахвар поставил пример глубокой, настоящей заинтересованности в работе своего товарища по перу.

Так, на первый взгляд, обычное обсуждение нового произведения многому научило и многих заставило задуматься. Обсуждение показало, что не сладкоречивые похвалы, а деловая, товарищеская критика нужна для улучшения творческой атмосферы.

«Взвешивать слово на точных весах, лить слово лишь ветер и прах», — говорят в народе.

К. ФАЙЗУЛИН
ТАШКЕНТ

РАВНОДУШИЕ

Несколько дней на досках объявлений висело краткое извещение: «Состоится заседание правления областного отделения Союза писателей. Обсуждается работа альманаха «Дон». Приглашаются активы». Заседание состоялось и длилось несколько часов. Но активна на нем почти не было, отсутствовала и добрая половина членов правления.

Главный редактор альманаха В. Изюмский парировал довольно неприглядно: «Картина: нет комнаты, где можно принимать авторов и готовить рукописи к набору, нет средств на командировки писателей, даже на перелетку материалов; у Ростиздата и редакторский альманах сложился неправильные взаимоотношения».

В чем же причина того, что один из старейших альманахов страны оказался в таком заброшенном состоянии?

В равнодушии! Считаю, как видно, альманах лишней обузой и убыточным изданием, областные организации и Главлит ничего не делают, чтобы создать ему сносные условия для работы.

А руководители ростовского областного отделения Союза писателей лишь бесконечно обсуждают работу альманаха, не добываясь осуществления своих же решений. Страдное впечатление оста-

лось и от самого обсуждения доклада В. Изюмского. За общими разговорами и пожеланиями ускользнул главный вопрос — о качестве публикуемых материалов, их идейно-художественном уровне. Кроме А. Гарнакерьяна и отчасти А. Гриндева, почти никто не говорил о том, почему в альманахе за последние месяцы печатаются слабые, плохо отрецензированные произведения, почему не выступают на его страницах видные писатели области, почему нет боевых очерков, рассказов и стихов, посвященных сегодняшним делам труженников городов и станций Дона. Ни докладчик, ни участники прений не поставили нужных вопросов, не высказали ни одного замечания, как альманаху следует перестроить свою работу в духе решений Второго съезда писателей.

Участники совещания приводили факты, когда новые произведения некоторых литераторов Ростова публиковались в альманахе лишь после того, как они появились в центральных журналах.

На заседании справедливо отметили, что правление областного отделения обязано коренным образом изменить отношение к альманаху, помочь создать условия для его плодотворной работы.

В. ПОНЕДЕЛЬНИК
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Корреспонденты сообщают...

* Решублин и шестые совещание молодежи состоялось в Ереване. На сценарии занятых обсужден ряд произведений молодых поэтов и прозаиков.

* В этом году возобновляется выпуск «Волжского альманаха» — органа Горьковского отделения Союза писателей.

* Конкурс на лучший очерк объявила редакция Саратовской областной газеты «Коммунист» и отделение Союза писателей. Установлено пять премий. Конкурс продлится до 1 августа.

* Работа созданного в этом году в Томске литературного объединения обсуждалась на областном совещании молодых писателей. В совещании участвовала группа московских литераторов.

* Инженер И. Шур (Великие Луки) написал пьесу «Андрей Старов» — о работнике лесной промышленности. В областном драматическом театре состоялась премьера нового спектакля.

решений Третьего съезда писателей Казахстана и Второго всесоюзного съезда, работает с олимпиадой, бьется острый, смелых выступлений, часто публикует слабые стихи и очерки. Некоторые материалы печатаются без предварительной проверки фактов. Собравшиеся высказали ряд пожеланий, направленных на дальнейшее улучшение работы редакции.

Собравшиеся высказали ряд пожеланий, направленных на дальнейшее улучшение работы редакции.

ОБЕЩАЮЩАЯ МОЛОДОСТЬ

Две постановки национальных авторов в Академическом театре драмы Башкирии — «Одинокая береза» Мустая Карима и экранизация повести М. Гафури «Чернолики» — позволяют судить и о больших возможностях артистического коллектива, и о его несомненных успехах, и о еще не преодоленных трудностях. Моноэпический стиль, тесно приращивший оба эти спектакля, убедил в том, что молодое театральное искусство Башкирии стоит на правильных рельсах, что талантливы народ заложил крепкие основы своей самобытной, яркой театральной культуры.

Особенный интерес вызвал спектакль «Чернолики» — поэтическая печальная история гибели молодой любительницы девушки Галимы, доведенной до сумасшествия и смерти бесчеловечным стариком из Башкирии, с ее старостами, муллами, знахарями, муллами угнетением и бесправием. Неважно бы, что все это ушло в далекое прошлое и не может сейчас захватить нашего современника, но, однако, горячий отклик зрительного зала, глубокое сочувствие и симпатии к героине пьесы говорят о том, что это нужное, верное, талантливое произведение, что оно живет и сейчас, будит в сердцах зрителей гордость за новую жизнь, учит ценить и любить ее, зовет к беспощадной борьбе с пережитками старого быта.

Особенно ценно в этом ярком, поэтичном, подлинно народном спектакле то, что режиссеры В. Галимов и Р. Файзи, показывая темные стороны старой деревни, вывели башкирский народ не забытым и безропотным, а разучившимся и светлым, верящим в свое будущее, в свои силы. Герой спектакля — мужественные, умные, добрые люди, страстно желающие найти выход из тупика старой жизни. Это и Х. Кудашев в роли молодого Закира, возлюбленного Галимы, и ее полновидный соратник, умный, скромный Гимиди (А. Зубаров), и мальчик Сагит (Р. Саудинов), который, полагаясь на свои силы, пытается спасти Галиму, а также и другие персонажи, в том числе и знахаря Галима (Т. Бикташева), которые, несмотря на свое старое, но не менее искреннее участие в судьбе Галимы, пытаются спасти ее от гибели.

Сцена из первого действия пьесы «Чернолики». Галима — заслуженная артистка БАССР Т. Бикташева, Закир — заслуженный артист БАССР Х. Кудашев. Фото В. Мастоюкова

Темпераментное искусство

Башкирский народ, еще недавно не имевший ни только музыкального, но и драматического театра, с поразительной быстротой создает свое национальное театральное искусство, в том числе классический балет. Поназванные в Москве два балетных спектакля — «Журавлиная песня» и «Лауренсия» — наглядно и убедительно тому доказательство.

Многие из артистов башкирского балета получили хореографическое образование в Ленинградском училище. И это, несомненно, самым положительным образом сказалось на творческом лице коллектива. З. Насретдинова, Г. Сулейманова, Х. Сафинуллина, Ф. Саггаров, М. Тагирова, Н. Валитова и другие овладели высоким профессионализмом и одухотворенностью русской школы классического балета. Равная славянофильская, они совместно с другими талантливыми артистами создали свой национальный балет, способный решать серьезные художественные задачи.

Из показанных спектаклей особое внимание привлекает балет «Журавлиная песня», в основе которого лежат башкирские народные сказочные мотивы, повествующие о борьбе простых людей против насилия и произвола. Верность и преданность девушки Зайнутуллы, бесстрашие и отвага пажа Юмагула противостоят насилию и жестокости местного богача Арсланбая. Мужество и смелость героя приводит к победе: Арсланбай гибнет, как спустя много лет погибает порочный и социальный строй угнетения и насилия.

Лирическая тема чистой и верной любви юноши и девушки из народа, борьба за право на счастье издавна являются предметом народной поэзии. Автор либретто Ф. Гаскаров интересно разработал сюжет, в котором жанровость событий переплетается со сказочной темой журавлей, олицетворяющих собой силы природы и помогающих людям в их борьбе — темой благородной и поэтической. Композитор Л. Степанов, балетмейстер Н. Анисимова, художник М. Арсланов верно почувствовали народную основу либретто, создали во многом интересный, поэтический спектакль. Исполнители сформировали разную башкирские танцевальные и песенные мелодии (великолепным образом является симфоническое развитие народной песни «Сынгрул Торна», влетевший композитором в музыкальную ткань всего балета), композиция сочинил музыку, мелодичны и драматичны музыкальные выразительны. Общее впечатление портретная музыкального языка, например, вальс первого акта, вариации в темпе мажорном, банальность которых притупляет режиссеру ведущим музыкальным тоном.

Свободное владение классическим и народными танцевальными материалами показало Н. Анисимову, создавая насыщенный танцами, развернутую хореографическую композицию. Наиболее яркое художественное впечатление производят первый и второй акты. Они динамичны в своем развитии, выразительно поставлены

лирические сцены и танцы. Третий и четвертый акты несколько затянута. Содержательность хореографии иногда нарушается использованием старых, канонических балетных приемов без творческого их осмысления. В режиссерской работе хотелось бы более глубокого решения центральных драматургических эпизодов, в частности, недостаточно убедительны финальные сцены, посвященные победе народа над Арсланбаем.

З. Насретдинова в «Журавлиной песне» создала трогательный образ юной девушки, готовой пойти скорее на смерть, чем принадеяться ненавистному Арсланбаю. Искренность и лиричность ее танца сменяются сценами, полными драматизма и высокой патетики.

Так же разносторонен и образ Юмагула в трактовке Х. Сафинуллиной. Она отличается смелостью и мужеством характера, вместе с тем она проникнута теплотой и юной мечтательностью. В безупречной классической форме проведя технически сложную партию журавля артистка М. Тагирова и Н. Валитова. Артист Ф. Саггаров, талантливо исполнивший роль Арсланбая, иной раз излишне увлекается внешним рисунком роли.

Одаренный башкирский художник М. Арсланов в большом искусстве оформил спектакль, передав поэтическое своеобразие башкирской природы. Широко известный балет «Лауренсия» (музыка А. Крейна в редакции башкирского театра, работа балетмейстера В. Пяри) явился серьезным экзаменом, и театр и молодой балетмейстер его выдержали. В. Пяри стремится к раскрытию характеров образных танцев, ищет и находит танцевальные сюжетные сцены, выразительно решает драматургические эпизоды (финал первого акта, финал второго акта, танец Хаситы и т. д.). Хотелось бы пожелать молодому балетмейстеру больше изобретательности и смелости в решении самой трудной сцены в балете — сцены восстания.

В балете «Лауренсия» Г. Сулейманова, обладающая незаурядной техникой, с большим темпераментом и выразительностью создает образ непокорной и непокоренной дочери испанского народа. Широко используя в союзе с мужественными частностями защитники народа, мстителя и борца. Яркий индивидуальности Н. Валитова (Паскалина) и М. Тагирова (Хаситы). Великим достижением артистки Тагировой является трагический монолог Хаситы на свадьбе.

Живописно, с ярким опущением характера произведения Лопе де Вета оформил спектакль художник А. Васильев. Успех обоих спектаклей связан с аллюзией, тонкой трактовкой партией дирижерами Г. Мулатовым и Н. Сабитовым. Мастерство солистов и ансамбля, подлинная танцевальная культура выводит коллектив башкирского балета на одно из первых мест среди музыкальных театров нашей национальной республики.

Михаил ГАБОВИЧ, народный артист РСФСР

С ВЕКОВОМ НАРАВНЕ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

С. ШТУТ

Главное для нас в литературном герое — его духовный облик. Главное, поэтому, что это требует задачи борьбы. «Разум — достояние немногих, нельзя назвать разумом и массам». «Культура — создание немногих, высокообразованных людей» — эти слова, которые, по мнению Горького, грубо, но правильно выразили суть и всю суть буржуазной идеологии, он не случайно приводит в начале своей статьи «Если враг не сдастся — его уничтожат». Именно здесь — в споре об историческом разуме и культурной миссии простого человека — проходит последний край идеологического фронта.

И если буржуазная «культура» и сегодня остается такой же линией, какой она была четверть века назад, когда Горький писал свою статью, то практика буржуазного искусства «обогатилась» за эти годы многими усовершенствованными способами обманывания читателя и зрителя. Самое острое оружие советской литературы в этой борьбе с идеологической агрессией буржуазии — образы простых людей, разрывающие непроницаемое духовное богатство паразита.

Духовный облик героя — главное и для решения наших позитивных задач. «Наша литература призвана не только отражать новое, но и песенно помогать его победе» — подчеркнул ИВ КИСС в своем приветствии Второму всесоюзному съезду советских писателей. Вот почему так необходимо искусство больших мыслей и чувств, глубоко раскрывающее богатый душевный мир советских людей. ...Только такое искусство способно помочь читателю осмыслить грандиозные задачи строительства коммунизма и повести на борьбу за их выполнение.

Показателен богатый душевный мир героя — решающая задача нашей литературы. Решая, по еще далеке не все решенная. Тем важнее устремить все, что мешает ее решению. Главной помехой, как кажется, служит то, что простой человек поднимается в ряде произведений человека заурядным.

В некоторых книгах духовная бедность персонажей — одно из проявлений общей бедности творчества. Это не только недостаток персонажей — это и недостаток общей бедности творчества.

Так, чертовски, незрелости мышления свойственны ряду персонажей романов С. Васильевского. От Кондратьева, например, небольшого человека с большим жизненным опытом, секретаря райкома, по самому характеру своей работы призванного широко мыслить, тонко и правильно судить о людях, читатель вправе ожидать незаурядных интеллектуальных качеств. Эти ожидания подкрепляются и авторской рекомендацией: взгляд «умных глаз» Кондратьева «был внимателен и проницателен, точно говорил: «Что ты мне ни рассказывай, а я все твои мысли наперед знаю». Но вот мы видим проницательность Кондратьева в детстве. Желая определить свое отношение к Туранину, Кондратьев просят свою жену, заведующую библиотекой, приготовить ему список книг, выхваченных в библиотеке Сергеем. Наталья Ивановна, очевидно, хорошо знающая стиль работы своего мужа и тут же с готовностью вручает ему заблаговременно приспущенный список. Кондратьев глубокоосмысленно погружается в его изучение. Поименно, детально и последовательно знакомится с подстановочным секретаря райкома оказался недостаточным, чтобы установить круг интересов человека, уровень его развития, вкус к книге, то есть факты, которые каждый легко определяет после нескольких строчек. В этом эпизоде как в фокусе, отражен и образ мышления героя и представление автора об интеллектуальном герое, как «проницательность» не имеет дальнейшего развития и не дает знания людей и умещается в пределах библиотечного формуляра.

По-иному обстоит дело с теми произведениями, в которых интеллектуальный герой отсутствует не потому, что автор не справился с этой задачей, а потому, что он и не стал ее себе. В. Некрасов — это писатель, чей интерес к душевной жизни человека и чье умение анализировать ее комплексно малые величины не подлежат сомнению. Очевидна и интеллектуальность, если можно так сказать, окраска его таланта. «Красота и сила мысли» (М. Горький) героя, казалось бы, могла в его последней книге предстать во всей своей полноте и конкретности. Этого не произошло. Мы отаилом должное нравственным качествам Митясова. Но признать его человеком высокого интеллекта можно, только очень ограничивая это понятие. Именно так поступил, например, Ю. Бануэт, усмотрев в Митясове человека смелой мысли и смелой души (см. статью «Митясов и Чермен», «Литературная газета» от 26 марта). Нет спору, в своем конфликте с Черменом Митясов обнаружил принципиальность и решительность. Но ведь, поступая иначе, он был бы попросту трусом. Нельзя же всякого, кто не есть обыватель, уже за одно это называть человеком смелой мысли. С чего бы это нам так прибегать!

«Но я и не собирался рисовать фигуру смелого мыслителя», — вправе возразит В. Некрасов. И в своем недавнем выступлении на творческой конференции в Союзе писателей (см. «Литературную газету» от 26 апреля) он прямо и сказал, что сознательно сделал героем своего романа не «заключенный образ», а «человека, у которого позавидный не было, и который напечатал «неписаной ступень» сознания.

Пусть так. Писатель волею выбирал любого героя, а читатель обязан сообразоваться с замыслом писателя, а не со своим желанием увидеть тот образ, который ему, читателю, кажется особенно нужным. Но что делать читателю, если между замыслом писателя и его воплощением — разительное несоответствие и если корни этого несоответствия — в интеллектуальной характеристике героя? В самом деле: «Я не согласен с тем», — говорит В. Некрасов, — что считает, что Митясов безвольно платит по течению. Напротив, он все время борется с ним, борется против засасывающей тины спокойствия, которое он сам усуждает. Он уходит из дому, где ему было хорошо, где его любили. Он отказывается от «легких» заработков, не участвует в РЖУ, даже в школе, где все у него как будто хорошо, он не находит удовлетворения, и в институте, достигнув чего-то определенного, он не успокаивается и, рискуя всем, вступает в борьбу с Черменом.

Итак, Митясов задуман автором как борец, — он «все время борется». А читатель, и притом такого, который, как и автор, с полным доверием и уважением, все время не оставляет ощущение, что герой беспощаден. Отсюда такое впечатление: В. Некрасов действительно делает все, что перечислил здесь автор. Да, делает. А активность характера достигается в искусстве отнюдь не одним лишь повествованием, но и его внутренним миром — борьбой идей. И поэтому-то может показаться писателем герой, хотя и деятельный, но бездумный. И поэтому-то Прометей и в оковах, то есть обреченный на познание «бездельности», остается великим бунтарем, ибо он предпочитает лучше быть прикованным к скале, чем быть первым прислушником Зевса. Это бунтарство духа, эта энергия и страсть свободной мысли входят в образ борца как его неотъемлемая часть, которую нельзя возместить ничем, даже самой обстоятельной справкой о всех поступках героя. Так требование интеллектуальности, названное в двери, протекло и вырвалось в окно.

Но почему же все-таки оно было игнорировано, — вот в чем главный вопрос, адресованный, конечно, не одному только В. Некрасову. Почему, объясняет В. Некрасов, что он, сохраняя верность реализму, предпочел обратиться не к «заключенному образу», незаурядному человеку Вольпарту, а к людям, находящимся на «элементарной ступени» сознания. Но разве отказ от незаурядного героя обязательно пахнет торжеством заурядного? Ведь человеку выдающемуся противостоит не только посредственный, но и яловой; избывающийся — не только обыватель, но и обыватель притворный. В. Некрасов — человек притворный или протест? Если притворный, скажем, Коробочку, то тогда, конечно, сложность и тонкость уместной жизни здесь совершенно ни к чему. Но если простого человека, то тогда образ Митясова — это не верность реализму, а отступление от него.

В классической литературе интеллигентной уместной действительностью живут не только люди незаурядных дарований, зрелого опыта и безошибочных суждений. Нет, рядом с Рахметовым и Чацким, рядом с Андреем Волконским и «Светлым разумом» — героем некрасовского стихотворения «Наматя Добройноба» мы видим и сверхобывательного чиновника Макара Довушкина и поражаемся его горячему и проницательному пониманию чужой жизни и чужой души. И тут же сверхобывательный, никому не чуждый человек Чукачурин, по праву своей беспощадной аналитической мысли ставший создателем «Ленивца лишнего человека», так много разглядевшего в одном из очень сложных интеллигентских типов XIX века. А затерявшись в дрянной глуши некрасовского Саша, а сын старика Молоток с его противным вопросом: «кто виноват в том, что человек делается злодеем?», и многие, многие другие — разве это не обыкновенные люди XIX века и разве это не настоящие интеллигентские герои, обмысленные своей мыслью пень мур? Видишь ли, кто-нибудь заповестил Чехова и Черменом-типотетичи и необыкновенным людям в романтической приукрашенной жизни обывательных. Но вот в этом из писем Чехов сообщает о замечательном рассказе и формулирует его идею так: «Рассказ мой... касается тем, что давно уже известно, а именно, что осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тупота, ужас». Веру в человека злого, молодого, влюбленного, умеющего и вышней, и природой насланный, и философский, а очень обывательного малюга. Таким образом классическая литература никогда не отказывала «обывательскому» человеку в уме. Напротив. «И беру персонажа хорошо мне известный», — писал Стендаль, — «оставляю ему все принципы, приобретаемые им в каждой своей охоте за счастьем; затем я приду к моему большому уму».

И вот принцип «привнесения» ума, конечно, не был намерен реализму. Нет, только так: залезая существование из груди несущественного и намеренно заостряя его, можно было показать главное в простом человеке: величие его души. С еще большей силой обязан выдать это главное советский писатель.

Как ни богат был душевно простой человек в прошлом, с началом proletарского этапа революционной борьбы, а затем в эпоху социализма, он неузнаваемо вырос. И самым главным его изменением «связаны с интересующей нас проблемой — интеллектуальным обликом героя... Наступает период непосредственной политической деятельности «интеллигентных», — проясняется мысль и разум миллионов забытых людей, пропагандируется не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества», — писал В. И. Ленин. Гигантски раздвинулся у нас круг социально мыслящих людей, включая в себя миллионы массы народа. Гигантский возраст действительная сила их мысли, привнесшая теперь для исторического творчества. Возникла историческая необходимость, а следовательно, и реальная возможность победы социалистической идеологии в сознании масс. И если классическая литература показала «ужас» жизни без определенного мировоззрения, то советская литература обрела возможность показать выход из этого ужаса. «Мне кажется», — очень заметной интонацией полемичности говорит В. Некрасов, — что книги, изображающие побег коммунистической бедности в сознании людей, которые начинают с невысокой ступени и в чрезвычайных трудных обстоятельствах, имеют право на существование в нашей литературе. Да что тут может «казаться», когда почти вся советская литература — на пласе именно этой жизненной ситуации.

Горьковский Ниловна; образ «человека с душой» в книгах о гражданской войне; Виринея и Даша Чукачурова; Любовь Провля, Шелехов, Берсенев и вообще почти все персонажи так называемого интеллигентского цикла; Колята Майдакинов и Пята Моргунов; Тилика и Журкин в «Людях на закуску»; и многие, многие другие герои советской литературы на-

пают с невысокой ступени политического сознания и в чрезвычайно трудных обстоятельствах и именно поэтому так убедительно демонстрируют животворную силу социалистической идеи, овладевающей массами. Но ведь по точному смыслу этих гениальных слов идея должна овладевать массами. А в некоторых наших книгах этот процесс приобщения в идею социализма совершается либо почти автоматически, либо с молниеносной быстротой, либо на непроницаемой глубине текста. И читатель невольно вспоминает слова Педрина об убеждениях, которые «составляют нечто постороннее, сложившееся силой внешних обстоятельств, силой фатализма, и отнюдь не причастное личной жизненной работе каждого из нас».

В этом и состоит суть наших претензий к В. Некрасову.

«Личная жизненная работа» — вырабка мировоззрения — стала в наш век не только личной, но и социальной обязанностью каждого из нас и именно поэтому нам и никогда не может быть у нас отклика. И если Митясов действительно, как говорит его творец (в книге это не очень ошутимо), «чувство долга и ответственности перед самим собой и перед всей страной», не позволяет... останавливаться на простом употреблении своей жизни, — значит, в очень большом, едва ли не в самом главном, Митясов может стать рядом с Вольпартым и с веком наравне. Так задуманный герой должен обладать несравненно большей остротой, интеллигентностью, энергией, напряженностью интеллектуальной жизни. Не показав этого — значит не уловить в советском обывательном человеке самого типичного — его организационной потребности осмыслить мир, ибо нет для него жизни без социалистического дела и нет дела без освещающей его идеи коммунизма.

Так пусть же советский писатель не боится прилить своему герою «большее уму». Он не оставит этим правду жизни; он увидит этим правду искусства, чья воспитательная роль вырастает, в частности, и на пласе мысли множества активно и своеобразно думающих героев.

Убедительное доказательство тому — роман «Русский лес» Л. Леонова. Интеллектуальный герой негера приехал Л. Леонова, но только в своем последнем произведении автор сумел сделать его не просто одним из героев произведения, хотя бы и главным, а значительно большим: опорой и центром всей идейно-поэтической конструкции книги, прежде всего ее центральной конфликтной — между Выхровым и Гражданским. Конечно, сущность его — борьба нового мира со старым. Но в романе Леонова этот облик для всей советской литературы конфликт получает отчетливую идеологическую окраску: он показан в своем духовном отражении. Не в простом смысле, что перед нами разворачивается принципиальный спор двух идейных противников по одному из теоретических вопросов науки о лесу. Нет, Выхров вполне мог бы и не быть ученым; профессия его романского значения не имеет, а Гражданский, наоборот, не может быть принципиальным противником: он — воплощение бездельничества. Сущность их борьбы, таким образом, не в том, что один защищает истинную точку зрения, а другой — ложную. Нет, спор идет о значительном — Выхров защищает само право на истину, а Гражданский пытается использовать все преимущество жизни. Ложь — главное оружие Гражданского, и поэтому надо точно определить ее цель и способ действия. Неверно было бы думать, что Гражданский прикрывает ложью свое предвзетство. Нет, его ложь и есть само это предвзетство: она не средство замаскировать какую-нибудь тайную диверсию, — она сама по себе и есть диверсия. И, конечно, цель ее — не Выхров; Гражданский вовсе не собирается уничтожить своего противника, — на нем он будет и дальше демонстрировать свою ортодоксальность. И, конечно, не потому Гражданский — прагматик Выхрова, что был в оранжее; видеть перипетии «падения» Гражданского в его связи с охранкой и соответственно это скорбеть, что такой действительной биографической детали Леонов гулял типичное содержание этого образа, — значит явно смешать причину со следствием; нет, Гражданский потому и стоял охранке, что он — враг Выхрова и потому враг социализма, он и направляет свою слабую ложь: показное благополучие, казенный оптимизм, обволакивающий, усыпляющий, обезумивающий. Он слабая ложь — это сахар в бензобаке. Осторожно, смертельно опасно!

Выхров прежде всего патриот, и это именно то, что противопоставляет его предателю Гражданскому. Но Выхров-патриот видит свой патриотический долг — и здесь источник своеобразия этого героя — в том, чтобы служить народу той правдой, которую он, Выхров (неважно, ученый или практик, лесовод или агроном), нашел и которую он берет, как боевое оружие.

Центральный драматический конфликт романа подержан в нем и композиционно — расстановкой борющихся сил — и своеобразным построением образов. Гражданскому и Выхрову соответствует свое философско-поэтическое оружие. Гражданскому — атмосфера лжи и отсюда множество деталей, начная с прихода организации «молодой России» — метаматка, как отражения приспосабливаемости сущности образа героя, и лоялая мимой супругой Чиндипского, подслушанной Гражданскому в качестве любовницы. Выхрову соответствует атмосфера правды, искренности, и отсюда, в частности, терзания Поля, может быть, и лишнее приподнятое сами по себе, но необходимые в общем идейном замысле книги.

В каждом отдельном случае ум героя должен быть соотнесен с местом героя в общей структуре книги и в зависимости от этого оценен. Но, как общий принцип, шерсть в наделении героя умом правды и эффективности. И только следуя ему, можно сделать интеллектуального героя, чье главное богатство — целеустремленность мысли, вооружающей к борьбе. Такой герой и сможет обеспечить высшую правду искусства, в котором верность жизни не самоцель, а средство для преобразующего воздействия на жизнь.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 67 7 июня 1956 года 3

За реализм и своеобразие поэзии

Один из участников декады башкирской литературы, шутя, заметил: «Поэты — народ горячий. И, наверно, оттого наше обсуждение было таким оживленным и шумным». Духовное обсуждение, действительно, проходило бурно, в спорах. Многие в этих спорах, особенно вначале, касались «мелочей»: то или другого стихотворения, перевода, даже отдельной строфы. Но постепенно все отделилось, вырисовывались те основные вопросы, на которых сосредоточились главные внимание выступающих. Это два тесно связанных между собой вопроса: о реализме башкирской поэзии и о ее национально своеобразных чертах.

— Есть у башкирской поэзии замечательное качество, — сказал в своем выступлении С. Липкин. — Это многогранность. И дело — не просто в обилии тем, а в богатстве и многообразии ритмов, интонаций, строфики, «файи» Кудаш, Мустая Карима, Назар Наджи — все это разные творческие индивидуальности, с характерным почерком, приемами, излюбленными жанрами. Выступавшие с дружеской требовательностью говорили о нежитых еще недостатках и слабостях башкирской поэзии. — Что такое реализм в поэзии? — говорил Л. Озеров. — Это не услаждение произведения «блестящими деталями, это — правда чувств, соответствие поэтического слова человеческим переживаниям. Между тем лирический герой-современник многих лирических живет в «утраченном» мире, извлеченном от реальной борьбы, реальных противников. Вот стихотворение Мустая Карима. Не слишком ли много тут хорошедов, праздности, застольных тождеств? Слов нет — это хорошие стихи. Но ведь рядом с праздничной неладью нужно показывать его будни, труд, борьбу.

Оживленный обмен мнениями вызвал выступление В. Захарченко, который говорил о необходимости полнее раскрыть в поэзии своеобразие национальной жизни, национальный характер. С. Подолов призвал молодых поэтов более глубоко осмыслить богатейшее песенное творчество башкирского народа. Об этом же говорил и татарский писатель А. Файзи. Показав, не было ни одного выступления, в котором так или иначе не затрагивалась бы работа переводчиков. Переводчики сделали большое дело, приблизив башкирскую поэзию к всесоюзному читателю. Но в их работе много слабостей. И частные ошибки, огрехи, обусловленные небрежностью, спешкой (чаще всего назывался при этом фамилия переводчика Н. Милованова), и недостатки общие, связанные с не-

разработанностью теории перевода, с практической работой в подстрочнике, с незнанием языка. Против ложной «экзотичности» буквального воспроизведения идом, местных географических названий и т. д., решительно возражал Л. Пенковский. — Наши переводчики, — говорит П. Железнов, — зачастую не задумываются о особенности национальной формы переводимого произведения. Работая по подстрочнику, они, например, пользуются ритмом стихов, удобным для них самим, не знакомясь даже с транскрипцией переводимого стихотворения. А как можно переводить стихотворение без живого представления о том, как оно звучит? Следует сделать упрек в адрес товарищей, готовивших это обсуждение. Почти каждый выступавший, перед тем, как начать свою речь, вставал и оглашал текст, что от башкирского языка не знает, судит с полной уверенностью о достоинствах подлинника и перевода не может, так как подстрочника ему не дали. К сожалению, это верно. В спешке подготовки к декаде в Союзе писателей снова, как и на предыдущих декадах, «забыли» об этой «стали».

Но, несмотря на некоторые частные недостатки в подготовке и ходе обсуждения, оно прошло интересно, плодотворно, в другом случае, деловой обстановке. Выступило более 20 человек, в том числе М. Дулин (председательствующий), Л. Ошанин, А. Коваленков, В. Румян, башкирские поэты Х. Гилджев, Г. Рамзанов и другие. — Разговор шел о мастерах, о разнообразии: сильные и слабые наши стороны, — сказал в конце обсуждения председатель правления Союза писателей Башкирии М. Карим, — стали нам яснее. Хотелось, чтобы это обсуждение послужило началом постоянных наших творческих встреч.

Валет «Журавлиная песня». Сцена из первого действия. Фото Н. Ситникова

